

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.656-665>
EDN: NLAHWG

УДК 930.271

СЕЛЬДЖУКСКИЕ МОТИВЫ В МУСУЛЬМАНСКОЙ ЛАПИДАРНОЙ ТРАДИЦИИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО КРЫМА

М.А. Усеинов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
memedulla@list.ru*

Резюме. Цель исследования – выявление и анализ элементов художественного и каллиграфического оформления эпиграфических памятников золотоордынского Крыма, отражающих влияние сельджукских лапидарных традиций Малой Азии и Персии.

Материалы исследования включают корпус лапидарных памятников, обнаруженных на территории исторического города Солхат/Кырым – ключевого административного и культурного центра Золотой Орды в Крыму, а также на некрополе Кырк-Азизлер у села Эски-Юрт в Западном Крыму. Золотоордынский период истории Крыма отмечен значительным количеством памятников, украшенных арабографичной эпиграфикой, на декоративное оформление которых существенное влияние оказали сельджукские лапидарные традиции. Источниковая база дополнена сведениями из средневековых письменных источников, трудами отечественных исследователей XIX – начала XX вв., а также материалами археологических экспедиций 1920-х гг., целенаправленно изучавших золотоордынские древности полуострова.

Научная новизна и результаты исследования заключаются в том, что на основе сравнительного анализа впервые выявлены и систематизированы основные типы орнаментальных и каллиграфических заимствований сельджукского происхождения в крымской лапидарной традиции. Выявлены смысловые параллели в каллиграфических композициях, включая цитирование коранических аятов и суфийские трактовки символов на элементах декора, что расширяет понимание символики и культурного контекста изученных памятников.

Ключевые слова: Золотая Орда, город Кырым, Солхат, Эски-Юрт, сельджуки, арабографичная эпиграфика, мусульманские надмогильные памятники

Для цитирования: Усеинов М.А. Сельджукские мотивы в мусульманской лапидарной традиции золотоордынского Крыма // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 656–665. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.656-665> EDN: NLAHWG

© Усеинов М.А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

SELJUK MOTIFS IN THE MUSLIM LAPIDARY TRADITION OF THE GOLDEN HORDE CRIMEA

M.A. Useinov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
memedulla@list.ru*

Abstract. This study aims to identify and analyze elements of artistic and calligraphic design in epigraphic monuments of the Golden Horde Crimea that reflect the influence of Seljuk lapidary traditions from Asia Minor and Persia.

The research is based on a corpus of lapidary monuments discovered in the historic city of Solkhat (Kyrym) – a key administrative and cultural center of the Golden Horde in Crimea – as well as at the Qirq-Azizler necropolis near the village of Eski-Yurt in western Crimea. The Golden Horde period in Crimean history is notable for a significant number of monuments adorned with Arabic-script epigraphy, whose decorative features were strongly influenced by Seljuk lapidary traditions. The source base is supplemented by data from medieval written records, works by Russian scholars of the 19th and early 20th centuries, and materials from archaeological expeditions of the 1920s that specifically studied Golden Horde antiquities on the peninsula.

The study's novelty and results lie in the first-time identification and systematization of the main types of ornamental and calligraphic borrowings of Seljuk origin within the Crimean lapidary tradition. Semantic parallels in calligraphic compositions have been revealed, including quotations from Quranic verses and Sufi interpretations of symbols in decorative elements, providing new insights into the symbolism and cultural context of the examined monuments.

Keywords: Golden Horde, the city of Kyrym, Solkhat, Eski-Yurt, Seljuks, Arabic-script epigraphy, Muslim tombstones

For citation: Useinov M.A. Seljuk Motifs in the Muslim Lapidary Tradition of the Golden Horde Crimea. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 656–665. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.656-665> (In Russian)

В золотоордынский период в Крыму возводятся многочисленные культовые сооружения, облицованные тесаным камнем и богато украшенные резными орнаментами и каллиграфическими надписями. Масштабы строительства косвенно отмечали путешественники, заставшие только величественные руины.

Мартин Броневский, посетивший в XVI в. город Солхат/Кырым писал: «...ибо видны еще храмы и святилища магометанские не только в самом городе, но и вне города, украшенные халдейскими надписями высеченными на больших камнях <...>. И в самом деле видно из развалин и обширности места, что это был один из знаменитейших и величайших городов своего времени» [7, с. 346].

В XVII в. Эвлия Челеби, несмотря на явные преувеличения в числительных, приводит данные о масштабах городского строительства в золотоордынский период, о которых он догадывался видя руины города Солхат/Кырым: «...если я стану описывать все тарихи бессчётных постоянных дворов, мечетей соборных и кварталных, бань, текке медресе и многих сот

тысяч прочих зданий, которые не под силу сотворить роду Адама, то получится сборник тарихов». <...> «Теперь много сот тысяч огромных зданий являются крепкими и стоят, как новые, будто они только что вышли из-под руки мастера. Но они стали гнездовьями <...> птиц и летучих мышей» [12, с. 168–169].

С последней трети XIII века в Крыму формируется традиция установки каменных надмогильных памятников на мусульманских погребениях. Памятники украшались геометрическими и растительными орнаментами, розетками и каллиграфическими текстами. Для их изготовления преимущественно использовался местный известняк и песчаник, реже – привозной мрамор.

Сохранились также данные о многочисленных кладбищах золотоордынского времени с надмогильными камнями, украшенными каллиграфией и орнаментами. В первую очередь это кладбища города Солхат/Кырым, а также большое кладбище *Кырк-Азизлер* на Юго-Западе Крыма, у с. Эски-Юрт.

Самые ранние известные на сегодня эпиграфические памятники относятся к последней трети XIII века [10]. Их изучение позволяет выявить формирование в Крыму особого стиля декоративного оформления, сложившегося под значительным влиянием сельджукских лапидарных традиций. Этот стиль оставался доминирующим на полуострове до конца XV века (рис. 1-А), а некоторые элементы, например, «сельджукская цепь», продолжали использоваться даже в XVI–XVII веках.

Присутствие сельджукского влияния и мусульманской общины в Крыму впервые фиксируется в 1220-х годах, после завоевания Судака армией из Малой Азии под предводительством Хусам ад-Дина Чупана, тогда же в городе была построена первая мечеть. Однако ключевым фактором роста мусульманской общины и распространения сельджукских традиций стало прибытие в 1265 году Изз ад-Дина Кейкавуса II со своими сторонниками. Получив от хана Берке в управление (икта) земли Судака и Солхата, он значительно усилил малоазийский компонент местной мусульманской общины. Параллельно в Крыму проживали мусульмане – выходцы из других регионов, в частности из Средней Азии. О чём свидетельствует, например, надпись 1263 года о строительстве мечети в Солхате выходцем из Бухары *Бей Хаджи Умаром аль-Бухари*, зафиксированная Эвлией Челеби в XVII веке.

Судя по датированным памятникам, в золотоордынский период камнерезное искусство в Крыму достигло наибольшего расцвета в 40–80 гг. XIV века. Наибольшее количество памятников приходится на период максимального расцвета городов Золотой Орды, и последовавшей затем смуты [11, с. 343–345].

Не касаясь в данной статье дискуссии о самом термине «сельджукского» искусства, подробно затронутом в работах многих исследователей (см. подробнее, напр. [8]), приведем наиболее характерные примеры таких заимствований, использованных в лапидарной традиции Крыма, которые можно однозначно отнести к сельджукскому наследию.

На значительное сельджукское влияние в оформлении памятников Крыма указывают практически все исследователи арабографичного лапидарного наследия полуострова [2, с. 153; 4, с. 301–302; 6, с. 274, 301; 9, с. 61, 67]. Как писал профессор И.Н. Бороздин: «Несомненно что существовала интенсивная и длительная увязка между мусульманским Крымом и сельджуками. <...> Не

только надгробия с их надписями и орнаментами, но и остатки монументальных архитектурных сооружений (особенно руины медресе близ мечети Узбека в Солхате), говорят о сильном сельджукском влиянии, об определенных сельджукских элементах в золотоордынском искусстве» [5, с. 25].

Профессор А.С. Башкиров отмечая схожесть золотоордынских памятников Крыма с памятниками Персии и Анатолии [3, с. 122], писал: «Сельджукизм мы видим и в памятниках монументального творчества и в деталях орнаментальной резьбы на памятниках различного назначения» [3, с. 108]. «Сельджукизм – это только одна из ярких черт крымскотатарского искусства в благородном соревновании с другими традициями искусства средневековья» [3, с. 125]. Наряду с этим исследователи отмечали влияние и других лапидарных традиций, в частности, мамлюкского Египта и Средней Азии (Хорезма) [5, с. 25].

Вместе с архитектурными заимствованиями сельджукское влияние заметно на примере оформления надмогильных памятников. Причем это влияние прослеживается как в форме самих надгробий, так и в каллиграфическом оформлении, и в орнаментальных мотивах, используемых при оформлении лапидарных памятников.

Основные типы надмогильных памятников этого периода (восьмигранные и цилиндрические надмогильные памятники, с различными вариациями наверший; плоские стелы со стреловидным верхом; различного типа сандыкташи) явно заимствованы из традиций Малой Азии. Надмогильные памятники аналогичные крымским, как по стилю оформления, так и по содержанию надписей, фиксируются исследователями в городах Малой Азии (Ахлат, Сивас, Токат, Кастамону, Конья и др.) [13; 14; 15]. Распространенная форма памятников – плоская плита с килевидным верхом и с изображением михраба, известна по аналогичным находкам в Персии датируемым XI веком.

Интересны формы наверший некоторых памятников, явно схожие со средневековыми куполами мечетей и дюрбе-мавзолеев (рис. 1-Д). Восьмигранные памятники с навершием – рубчатым куполом – один из самых распространенных подтипов восьмигранных памятников Солхата/Кырыма (рис. 1-Е). У. Боданинский, как и другие исследователи, отмечал сходство таких памятников с куполами дюрбе Каира, Самарканда, Ургенча, Западного Ирана, с гробницами городов Малой Азии [4, с. 300, 301, 303, 305–306], от мавзолеев «Города мертвых» в Каире, до мавзолеев Шахи-Зинды и Гур-Эмира в Самарканде, хронологически относящихся к этому же периоду времени (XIV–XV вв.).

Еще одна особенность – расположенная на вершущке памятников круглая выемка, называемая – قوش خايراتي – куш хайраты (благо для птиц), также, по-видимому, была заимствована в Малой Азии, т.к. встречается на более ранних памятниках Анатолии. Стоит отметить, что традиция располагать на вершущках надмогильных памятников выемки для дождевой воды была широко распространена в степном Крыму вплоть до начала XX века. Предполагалось, что эту воду пьют птицы, а награда за это благое дело, засчитывается покойному.

Рис. 1. А – Надмогильный камень (однорогий сандык-таш) украшенный розетками, с датой 684 г.х. (=1285 г.) (г. Старый Крым, Музей истории и археологии); Б – изображение «кентавра стреляющего из лука» на надмогильном памятнике с кладбища Кырк-Азизлер (г. Бахчисарай), фото 1920-х гг.; В – фрагмент «сельджукской цепи» на архитектурной детали (г. Старый Крым); Г – закладная плита выполненная почерком сульс, с датой 760 г. х. (=1358 г.) из с. Отузы; Д – надмогильный камень (сандык-таш) выполненный в виде дюрбе-мавзолея, украшенный лампадой, орнаментами и «плетенкой», фото 1920-х гг.; Е – Навершие восьмигранного надмогильного памятника в форме купола дюрбе-мавзолея (г. Старый Крым, Литературно-художественный музей)

Fig. 1. А – Tombstone (single-horned sandyk-tash) decorated with rosettes, with the date 684 AH (= 1285) (Stary Krym, Museum of History and Archaeology); Б – image of a "centaur shooting a bow" on a tombstone from the Kyrk-Azizler cemetery (Bakhchisaray), photo of the 1920s; В – fragment of a "Seljuk chain" on an architectural detail (Stary Krym); Г – foundation slab made in Suls handwriting, with the date 760 AH (= 1358) from the Otuzy village; Д – tombstone (sandyk-tash) made in the form of a durbe-mausoleum, decorated with a lamp, ornaments and "wickerwork", photo of the 1920s; Е – The top of an octagonal gravestone in the shape of a dome of a durbe mausoleum (Stary Krym, Literary and Art Museum)

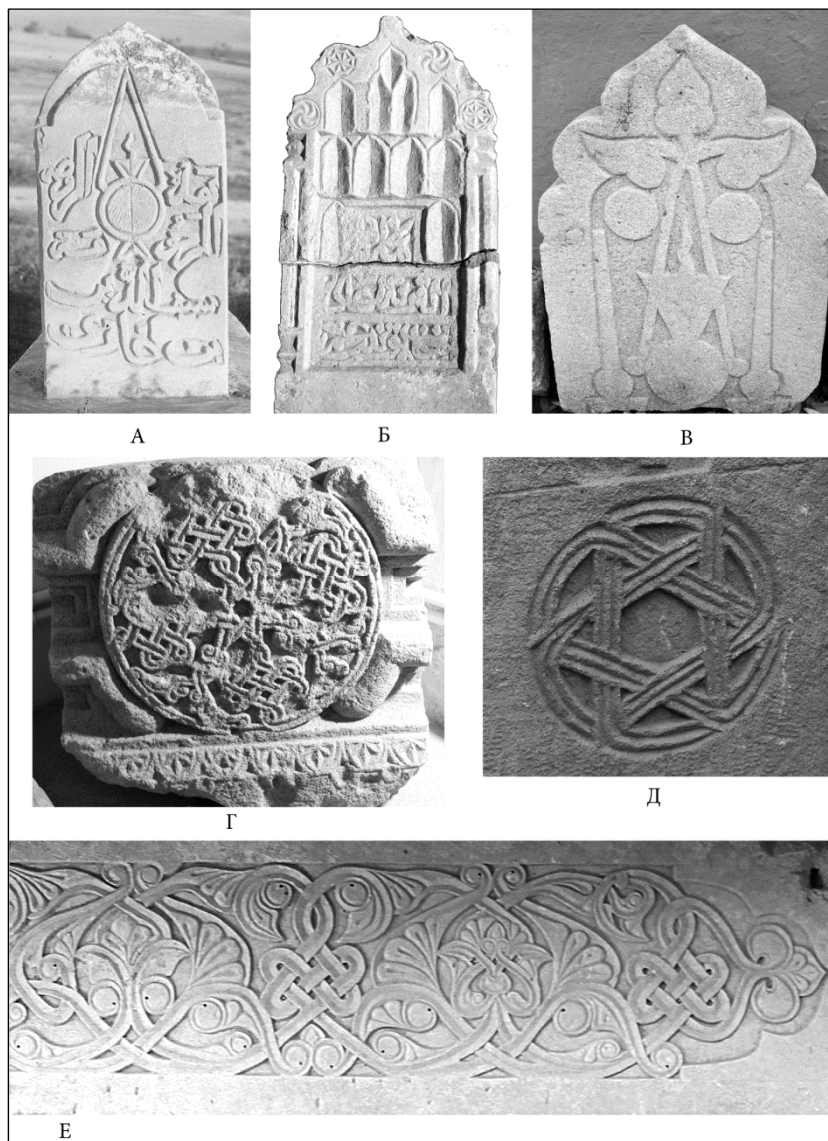

Рис. 2. А – торцевая часть надмогильного памятника с именем *Сейфеддина бин Гази* и изображением горящей лампы, кладбище Кырк-Азизлер (г. Бахчисарай), фото 1920-х гг.; Б – стела с килевидным верхом и рельефным изображением михраба, украшенная розетками (г. Старый Крым); В – изображение горящей лампы и свечей на надмогильном памятнике с датой 749 г. х. (=1348 г.), (г. Феодосия, Музей древностей); Г – архитектурный фрагмент с «узлами счастья» (г. Старый Крым, Литературно-художественный музей); Д – изображение шестиконечной звезды на надмогильном памятнике (г. Старый Крым, Музей истории и археологии); Е – растительный орнамент характерный для памятников центральной Анатолии и «узлы счастья» на надмогильной плите, найденной на мусульманском кладбище Кемаль-Ата (г. Старый Крым)

Fig. 2. А – end part of a tombstone with the name of *Seyfeddin bin Ghazi* and an image of a burning lamp, Kyrk-Azizler cemetery (Bakhchisaray), photo of the 1920s; Б – stele with a keeled top and a relief image of a mihrab, decorated with rosettes (Stary Krym); В – image of a burning lamp and candles on a tombstone with the date 749 AH (=1348), (Feodosia, Museum of Antiquities); Г – architectural fragment with "knots of happiness" (Stary Krym, Literary and Art Museum); Д – image of a six-pointed star on a tombstone (Stary Krym, Museum of History and Archeology); Е – a plant ornament characteristic of monuments in central Anatolia and "knots of happiness" on a tombstone found in the Muslim cemetery of Kemal-Ata (Stary Krym)

Эпиграфические надписи на памятниках по стилю похожи на арабографичные надписи Малой Азии и Персии. В надписях, выполненных рельефно и достаточно крупно использовались почерки *сулюс* (рис. 1-Г) и *насх* (рис. 1-А). О.-Н. Акчокраклы отмечал: «Употребляемый на памятниках почерк *сулюс* по характеру близок к сельджукскому мотиву...» [1, с. 6].

Каллиграфическое оформление надмогильных памятников, включая построение эпитафии и написание прописью даты аналогично малоазийским памятникам, хотя зачастую отличается большей лаконичностью. Широко распространенной практикой было цитирование на лапидарных памятниках коранических аятов — наиболее часто аят «Аль-Курси» (255-й аят суры «Аль-Бакара») и 18–19-го аятов суры «Али Имран», а также хадисов (высказываний Пророка Мухаммада, с.г.в.) и изречений средневековых мудрецов. Характерный и самый распространенный пример такого высказывания:

الموت كائن كل ناس شاربه والقبر باب و كل ناس داخله

El-mevtu ke-sün külli nâsi şaribuhû ve'l-kabru bâbun ve külli nâsi dâhiluhu.

(Смерть – чаша и каждый отпьет из нее, могила – дверь и каждый войдет в нее).

Эпитафии на камне часто представляли собой сильно перефразированный хадис, сохраняющий только некоторую часть первоначального смысла высказывания: «Этот мир есть жилище тленное, будущий мир – жилище вечное». «Мир есть нива будущей жизни, что посеет на ней то и пожнет...». «Придет смерть, и уйдут твои дни. Останется ли что-нибудь от твоих деяний?». «Смерть есть спокойное тление...» [1, с. 10-12, 14-15; 2, с. 156, 158].

На памятниках золотоордынского периода встречаются многочисленные вариации растительных и геометрических орнаментов, распространены характерные для сельджукского стиля элементы оформления: т.н. «сельджукская цепь» (рис. 1-В), «плетенка» (рис. 1-Д), «узлы счастья» (рис. 2-Г, 2-Е), лампада, свечи в подсвечниках (рис. 2-В), вариации шестиконечной звезды (рис. 2-Д), различного вида розетки (шестилепестковые, звездчатые, спиральные, вихревые) (рис. 1-А, 2-Б). Также можно отметить пример смягчения запрета на изображение живых существ, часто встречающийся на лапидарных памятниках Анатолии и Персии, но нетипичный для Крыма. Это изображение «лучника-кентавра» на одном из мусульманских надмогильных памятников с. Эски-Юрт (г. Бахчисарай) (рис. 1-Б).

Самый известный и оригинальный элемент оформления крымских памятников – стилизованное изображение горящей лампы (*kandil*) подвешенной на цепях (рис. 2-А, 2-В). Часто лампа расположена в нише-углублении, а по бокам от лампы изображались две свечи в подсвечниках. Горящая лампада и свечи – распространенный элемент в оформлении сельджукских надгробий Малой Азии, откуда он и был, по-видимому, заимствован крымскими мастерами [13, с. 638–639].

В сельджукской традиции «горящая лампада» символизировала сердце верующего и свет данный Всевышним, который исходит от его веры [13, с. 640–641; 15, с. 121–122]. Подобная интерпретация скорее всего заимствована из Корана – 35 аят, суры Ан-Нур («Свет»). Одна из средневековых трактовок-тавсиров, поясняющая смысл этого аята, гласит: «...сердце верующего в своей

чистоте уподобляется прозрачной стеклянной драгоценной лампе в нише. Светильник настолько чист, а свет его так ярок, что он подобен жемчужной звезде... Знания Корана и шариата, подобны чистому маслу, которым наполняется лампа (сердце человека), и которое само по себе светится, даже без соприкосновения с огнем. И свет пламени, зажженного верой в сердце человека, накладывается на сияние знаний религии».

Один из вариантов трактовки символа «две свечи в подсвечниках» – это свет знаний Корана и Сунны пророка Мухаммада (с.г.в.) [14, с. 319]. Встречаются памятники, на которых изображена только одна, либо две свечи без лампы.

На лапидарных памятниках Крыма распространены типичные для малоазийских надгробий различные вариации шестиконечной звезды, называемой в исламской традиции *печать пророка Сулеймана* (рис. 2-Д). В суфийской трактовке этот символ использовался как защита от шайтана (дьявола) [16, с. 27]. Причем он встречался как на одежде, украшениях, культовых сооружениях, так и на надмогильных памятниках, где его смысл несколько видоизменялся, и он информировал о набожности покойного [16, с. 27].

Сельджукское влияние косвенно подтверждается и миграцией в Крым населения из Малой Азии и Персии, о чем свидетельствует большое количество «не местных» *нисб*¹, на лапидарных памятниках Крыма, в том числе людей, выходцев из Западного Ирана – Тебриз, Лур (Луристан); Северного Ирака – Эрбиль; Малой Азии – Конья, Ахлат, Сивас, Кастамуни, Токат [1, с. 6, 9; 2, с. 153].

В заключение следует отметить, что, начиная с последней трети XIII в., и вплоть до конца XV вв., в Крыму сформировался лапидарный стиль, основанный на сельджукских традициях (Малая Азия, Закавказье, Персия), но содержащий ряд особенностей, привнесенных как местными христианскими общинами, так и традициями отдаленных регионов (Средняя Азия, Египет). Сельджукское влияние выражалось в типичных для Малой Азии формах надмогильных памятников, каллиграфических композициях и в стиле оформления надмогильных памятников и культовых сооружений. Использовались характерные для этого стиля элементы: «сельджукская цепь», «плетенки», «узлы счастья», лампы, шестиугольные звезды, различного вида розетки, геометрические и растительные орнаменты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчокраклы О. [-Н. А.]. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1(58). С. 5–17.
2. Акчокраклы О. [-Н.А.]. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1929. Т. 3. С. 152–159.
3. Башкиров А.С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. М., 1926. № 2. С. 108–125.

¹ Нисба – часть имени, обычно обозначающая место рождения, или место длительного проживания человека.

4. Башкиров А., Боданинский У. Памятники Крымско-Татарской старины. Эски-юрт // Новый Восток. 1925. № 8–9. С. 295–311.
5. Бороздин И.Н. Из Отузской старины: (Надгробие шейха Якуба из Кони 729 г. хиджры) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1927. Т. 1. С. 25.
6. Бороздин И.Н. Солхат // Новый Восток / Под ред. М. Павловича. М., 1928. № 13–14. С. 271–301.
7. Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. Т. VI, Отд. 2: Сборник материалов. С. 333–367.
8. Кононенко Е.И. Еще раз о «проблеме сельджукского искусства» // Вестник СПбГУ. Сер. 15. Вып. 3. СПб., 2015. С. 66–77.
9. Крамаровский М.Г. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение. Казань, 2016. № 1. С. 55–88.
10. Усеинов М.А. Новые находки мусульманских надгробий XIII в. на территории г. Старый Крым // Крымское историческое обозрение. 2022. Т. 9, № 2. С. 166–175. DOI: 10.22378/kio.2022.2.166-175
11. Усеинов М.А. Датированные мусульманские эпиграфические памятники города Солхат/Кырым и его окрестностей // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 333–355. DOI: 10.22378/2313-6197.2024-12-2.333-355 EDN: UIYOXM
12. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
13. Biçici H. Kamil. İznik Müzesindeki Kandil ve Şamdan Motifli Mezar Taşlar // Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Ankara, 2012. Volume 7/3. S. 637–661.
14. Çal Halit. Türklerde mezar-mezar taşları // Aile Yazıları, 8, TC. Aile ve Sosyal Politikalar Bakanlığı Yayını. Ankara, 2015. S. 295–332.
15. Delikgöz Ömer, Fulya Aliç. Osmanlı İstanbul’unda bulunan bazı müslim ve Gayrimüslim mezarlıklarındaki kimi semboller // Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 2010. № 13. S. 113–131.
16. Mahmut Ökçesiz. Kuşadası osmanlı mezar taşları. İstanbul, 2003. 120 s.

REFERENCES

1. Akchokrakly O.[N. A.]. Old Crimean and Otuz Inscriptions of the 13th–15th Centuries. *Izvestiya Tavricheskogo Obshchestva Istorii, Arkheologii i Etnografii*. 1927, no. 1(58), pp. 5–17. (In Russian)
2. Akchokrakly O.[N.A.]. Old Crimean Inscriptions: Based on the 1928 Excavations. *Izvestiya Tavricheskogo Obshchestva Istorii, Arkheologii i Etnografii*. 1929, no. 3, pp. 152–159. (In Russian)
3. Bashkirov A.S. Seljuqism in Ancient Tatar Art. *Krym*. 1926, no. 2, pp. 108–125. (In Russian)
4. Bashkirov A., Bodaninsky U. Monuments of Crimean Tatar Antiquity. *Eski-Yurt. Novy Vostok*. 1925, no. 8–9, pp. 295–311. (In Russian)
5. Borozdin I.N. From the Otuz Antiquity: (The Tombstone of Sheikh Yakub from Konya, 729 AH). *Izvestiya Tavricheskogo Obshchestva Istorii, Arkheologii i Etnografii (ITOIAE)*. 1927, no. 1, p. 25. (In Russian)
6. Borozdin I.N. Solkhat. In M. Pavlovich (Ed.). *Novy Vostok*. 1928, vol. 13–14, pp. 271–301. (In Russian)

7. Broniewski M. Description of the Crimea. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey (ZOOID)*. 1867, no. 6. Part 2: Collection of Materials, pp. 333–367. (In Russian)
8. Kononenko E.I. Once Again on the "Problem of Seljuq Art". *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2015. Series 15(3), pp. 66–77. (In Russian)
9. Kramarovskiy M.G. The Crimea and Rûm in the 13th–14th Centuries (The Anatolian Diaspora and the Urban Culture of Solkhat). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, no. 1, pp. 55–88. (In Russian)
10. Useinov M.A. Useinov M.A. New finds of Muslim tombstones of the 13th century on the territory of SaryKrym. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2022, vol. 9, no. 2, pp. 166–175. DOI: 10.22378/kio.2022.2.166-175 (In Russian)
11. Useinov M.A. Dated Muslim epigraphic monuments of the Solkhat/Kirim city and its environs. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 333–355. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.333-355> (In Russian)
12. EvliyaÇelebi. The Book of Travels. The Crimea and Adjacent Regions. (Extract from the Work of a 17th Century Turkish Traveler). Simferopol: Dolia, 2008. 272 p. (In Russian)
13. Biçici H. Kamil. İznik Müzesindeki Kandilve Şamdan Motifli Mezar Taşlar. *Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. Ankara, 2012. Volume 7/3. S. 637–661. (In Turkish)
14. Çal Halit. Türklerdemezar-mezartaşları. *Aile Yazıları*. Iss. 8. TC. Aile ve Sosyal Politikalar Bakanlığı Yayını. Ankara, 2015, pp. 295–332. (In Turkish)
15. Delikgöz Ömer, Fulya Aliç. Osmanlı İstanbul’unda bulunan bazı müslim ve Gayrimüslim mezarlıklarındaki kimi semboller. *Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*. 2010, no. 13, pp. 113–131. (In Turkish)
16. Mahmut Ökçesiz. Kuşadası osmanlı mezar taşları. İstanbul, 2003. 120 p. (In Turkish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мемедулла Адилович Усеинов – младший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0001-9064-5819. E-mail: memedulla@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Memedulla A. Useinov – Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0009-0001-9064-5819. E-mail: memedulla@list.ru

Поступила в редакцию / Received 11.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 27.05.2025

Принята к публикации / Accepted 03.06.2025